

## Лангсдорф Г. И. Камчадалские собаки, рассматриваемые как упряжные животные

Перевод с немецкого языка Л. В. Садовниковой главы 14 из книги Г. И. Лангсдорфа  
«Наблюдения во время путешествия вокруг света в 1803–1807 годах»  
(приводится в сокращении)

«Повсеместное и разнообразное использование собак европейцами хорошо известно; для охотника они – незаменимые спутники; пастух доверяет им свои стада, хозяин и путешественник – безопасность своего имущества. Многие островитяне Южного моря (южная часть Тихого океана) разводят их, как мы свиней, в качестве откормочного скота, а все народы, проживающие вдоль Северного моря от Оби, по всей северной Сибири, на Камчатке, Курильских островах до северных владений Японии, на расстоянии более 100 градусов долготы друг от друга, а именно: остяки (устаревшее название народов, проживающих в Сибири), самоеды, большая часть тунгусов, коряков, чукчей, камчадалов, курильцев и айнов на Йессо и Чоке используют собак в качестве ездовых животных.

Отдельные племена последних народов больше используют северных оленей, другие – собак; первых называют кочевыми, последних – оседлыми.

Поскольку из всех названных народов камчадалы больше всех заинтересованы в упряжном собаководстве, и мало кто слышал название этого полуострова без того, чтобы не вспомнить о принятой здесь ездовой почте, а мы, по-моему, не имеем других сведений, кроме тех немногих, что сообщили нам Стеллер и Крашенинников, то мною двигал вполне здоровый интерес в отдельной главе изложить собранные во время моего пребывания на Камчатке наблюдения за ездовым собаководством.

У камчадалских собак острая, выступающая вперед морда, заостренные, прямо торчащие уши, длинный, сильно волосатый, лохматый хвост; по своей наружности, телосложению, размерам, взгляду и по самому образу жизни они очень схожи с волками и во многом напоминают наших так называемых шпицев (порода собак) и европейских овчарок.

Кожа покрыта либо гладкими короткими, либо мохнатыми длинными волосами, а на шкуре – настоящей шерстью, длинной, нежной, мягкой, которую можно было бы также хорошо прясть, как и овечью, если ее тщательно собрать, промыть и обработать. Тех собак, у которых вот такие шерстеподобные и длинные мохнатые волосы, называют общим именем вельможи или волосатые, и их шкуру ценят преимущественно как теплый мех и оторочку для одежды.

Этот вид собак в большинстве своем проблематичен для упряжки и часто едва может использоваться при свежавыпавшем и глубоком снеге, так как мягкий снег набивается между волосами, замерзает и мешает собаке быстро бегать. Длинноногие и тонковолосые собаки особенно хорошо подходят для легкой упряжки. Встречаются отдельные собаки, которые, как и наши, лают, но большинство просто воют и только изредка лают. Масть довольно разнообразная, есть черные, белые, серые, рыжие, и на этих окрасках всевозможные пятна.

Круглый год они живут под открытым небом, ни разу не заходя в жилище или сарай. Летом они роют себе ямы в земле, чтобы было прохладнее лежать, а зимой таким же образом прячутся в снегу, чтобы укрыться от холода. Я неоднократно был свидетелем, когда они зимой в пургу были совершенно засыпаны снегом, без движения, и их, зарытых под глубоким снегом, нужно было еще найти. Эти собаки лучше переносят холод, чем жару...

В пять месяцев или же между пятым и шестым все выбранные для упряжки собаки подвергаются кастрации (первая операция, которая готовит их для дальнейшего назначения); благодаря этому они так же, как и наши лошади, делаются более выносливыми к чрезмерным нагрузкам и в дальнейшем сдерживаются от всякого рода ненужных мыслей. Эта операция проводится лучше всего весной или летом, во всяком случае, пока тепло, так как осенью или зимой заживление длится достаточно долго...

Вторая операция, которой должны подвергнуться ездовые собаки, называется «англизация», или подрезание хвоста. Поскольку хвост в естественном состоянии очень длинный и сильно покрыт волосами и мешает собакам при быстром беге, поэтому редко можно

увидеть собак с неподрезанным хвостом. Эта операция делается только тогда, когда развитие у собаки практически закончено, и впервые ее проводят между вторым и третьим годами жизни; камчадалы не делают это раньше, так как считают, что операция может навредить росту собак и уменьшить силу этих животных.

Каждая собака, пока она еще маленькая, получает кличку, которая обычно зависит от цвета или особых примет, например, Черное Ухо, Длинное Ухо, Висячее Ухо, Острый Нос, Красное Пятно, Серая или Черная Голова, Тигр, Белая Лапа, Тупой Хвост и т. д. Тех собак, которые приносили особую пользу, в случае если запряжена стая собак, и та или иная не выполняет свою работу, с угрозой окриками по имени, после чего хорошенько пришпоривают. Это необходимо тогда, когда при управлении собачьей упряжкой помогают не поводырь или кнут, а слова.

Пища собак в большей степени состоит из свежей, замороженной, вареной, сушеной и протухшей рыбы, при этом их кормежка требует особого внимания, и каждый камчадал, считающий себя хорошим хозяином и содержащий собак, придерживается самых строгих правил в собаководстве. Летом большинство собак ищут себе пропитание сами; они держатся по соседству к морским берегам или рекам и выслеживают рыбу, стоя по брюхо в воде, а иногда и полностью погружая голову под воду, и когда видят рыбу, с такой осторожностью хватают ее, что добыча редко ускользает от них. При изобилии этой пищи, например, когда лосось косяками заходит в реки, собаки едят только их головы, а тушки оставляют на берегу, как будто они менее приятны на вкус.

Осенью свободно бегающие и кормящиеся собаки от голода возвращаются в деревни, где хозяева их привязывают, чтобы они не могли устраниваться от предстоящей нартовой езды. Поскольку они очень жирные, то ежедневно получают только маленький кусочек сухой или замороженной рыбы, а в некоторые дни вообще ничего, чтобы они день за днем становились поджарыми, так как жирная собака неповоротлива и нерасторопна...

Основным кормом зимой является замороженная или вяленая рыба, называемая юколой, и в зависимости от размера рыбы или от жирности или сухощавости собак рыбу делят на большие или меньшие порции. Особенно мне бросилось в глаза, что ту часть рыбы, которую собаки предпочитали летом, а именно голову, зимой они совершенно игнорировали; впрочем, это вполне естественно, так как рыбы кости и острые крепкие зубы вяленого лосося служат причиной кровоточивости пасти почти при каждом приеме пищи у голодных собак, которые с волчьим аппетитом набрасываются на еду.

До тех пор, пока реки зимой покрыты льдом и вода недоступна, собаки утоляют жажду снегом или льдом.

Лошадь, если ее необходимо использовать, должна быть сначала хорошо накормлена. Совсем по-другому обстоит дело с собаками; эти могут бежать с пустым желудком... Если их хотят покормить утром перед выездом или в самом начале езды, в случае, когда нужно срочно выезжать, тогда каждой собаке бросают половинку юколы; в этом состоянии они бегут и тянут нарты целый день и могут преодолеть 60–80 и даже 100 верст с почти пустым желудком.

Когда упряжка прибывает в место назначения, то разгоряченных собак нельзя сразу же кормить; нужно подождать по крайней мере час, если собаки преодолели путь в 30–40 верст, и два часа, если они пробежали 60–70 верст, чтобы они предварительно полностью охладились; тогда их можно накормить и на всю ночь оставить в покое, после чего они снова могут продолжить езду...

По всей Камчатке находятся действующие почтовые станции, от которых отправляются на собаках, как в Европе на лошадях. Станции удалены друг от друга на расстояние от 30 до 40 или 50, а некоторые – 70 верст. Каждый путешественник получает для себя и своего экипажа нарту с шестью запряженными собаками и сопровождающего, т. е. камчадала, который едет на других нартах с шестью запряженными собаками и остатком экипажа, а затем возвращает назад нарты и собак. Сколько человек участвует в путешествии, столько и отдельных нарт им предоставляется; причем, обычно каждый сам себе ямщик и едет самостоятельно. Почтовые собаки – менее привыкшие к хозяину, чем другие, послушно везут любого человека. К тому же

еще камчадалский сопровождающий, который обычно является владельцем, едет перед пассажиром, и поскольку собаки, принадлежащие ему, всегда видят своего хозяина, то охотно следуют за передней нартой.

Число собак, которых запрягают в нарту, частично зависит от груза, который необходимо доставить из одного места в другое, частично от добротности собак и состояния дороги или санного пути. В легкую нарту с одним человеком и небольшим багажом требуется 4–5 собак, чтобы быстро доехать. Шесть собак могут с легкостью везти от 14 до 16 пудов или 640 фунтов по хорошей дороге. Если нужно увезти более тяжелый груз, то необходимо запрячь больше собак.

На обычных почтовых собаках за один час преодолевают 10–12 верст, а на хороших ездовых собаках – 15–20 верст. Это возможно при условии хорошей санной дороги и непродолжительного времени, в противном случае на тех же самых собаках 40–50 верст можно проехать за 2,5–3 часа, но невозможно преодолеть 80 верст за 6 часов.

На очень хороших собаках можно, не меняя их, за два раза по 24 часа проехать 200 верст и за три дня самое большее 300 верст, но затем необходим отдых.

Почтовые собаки, привыкшие к бегу и нагрузке и, впрочем, будучи не всегда самыми лучшими ездовыми собаками, передвигаются очень быстро, даже если они бегут день и ночь. В Тигиле, населенном пункте на северо-западном побережье Камчатки, я встретил унтер-офицера, посланного в качестве курьера, который преодолел 15 сотен верст за девять с половиной дней, следовательно, все 24 часа напролет он проезжал свыше 150 верст со сменой собак на каждой станции...

Собаки обычно бегут рысью и весьма равномерным ходом, так что, когда они в движении по хорошему санному пути, то бегут час за часом почти на одинаковом расстоянии.

Стеллер говорит: «При хорошей погоде и дороге без остановки можно проехать от 100 до 140 верст за 15 часов».

Если собаки в упряжке небрежны и ленивы и не обращают внимания на угрозы, то по дороге их наказывают; наказание совершается, в основном, розгами и только изредка палками, т. к. последними можно повредить ногу или ребро и сделать их непригодными к езде.

Весь почтовый обоз управляется не при помощи уздечки и ремней, а просто словами; в этом состоит существенное различие между обозом и упряжкой; последние все время следят за перед ними и точно повинуются, при условии, если собаки хорошие, команде своего каюра, который кричит им по-камчадалски: направо или налево, быстро или тихо. «Направо» по-камчадалски звучит «кахках», «налево» – «хухахуча»; «быстро» или «вперед» или «тихо» и «стой» – «атн», произносится через нос, приблизительно как длинное французское «эн».

Ценность собаки на Камчатке также различна, как ценность лошади в Европе. Обычная пригодная для упряжки ездовая собака стоит 40–50 руб., а очень хорошая гоночная и собака-поводырь временами примерно от 100 до 150 руб. Щенок, которого отняли от матери и по которому нельзя понять, что из него получится, стоит обычно 10 руб.

Лучшие собаки встречаются сейчас в западной части полуострова на пути от Тигиля в Большерецк, так как жители освобождаются от собак с меньшей пригодностью для тягловой работы и меньшей склонностью к принуждению. При покупке собак многие каюры осматривают ляжки собак и при этом утверждают, что если на верхней части ляжки волосы сильно стерты, то это лучший показатель работающей ездовой собаки, так как упряжные ремни при сильной езде прилегают к ляжке, а у ленивой собаки никогда не найдешь и следа стершихся волос. Другие отрицают и рассматривают это как доказательство добротности собаки...

Наконец, я хочу еще обратить внимание на некоторые заболевания, отчасти свойственные только упряжным собакам: так, особенно те, что запрягаются ближе всего к нартам, подвергаются

вывихам ключевого сустава, в особенности, когда нарты при очень неровных дорогах зачастую неожиданно попадают в яму или впадину, то под тяжестью навьюченного груза упряжь вокруг спины и груди собак получает такой сильный удар, что уставшую собаку относит далеко в

сторону, и ключица выскакивает из сустава. Почти каждый камчадал хорошо осведомлен о подобном казусе, следовательно, случись это с его собакой, он спешит на помощь и без дальнейших вредоносных последствий вставляет кость; если он это просмотрит или запустит, то даже самая лучшая собака впоследствии не будет представлять ценности...

Ездовые нарты изготавливаются простым и изобретательным способом лишь из березовой древесины и ремней без единого гвоздя, то прочнее и выше, то слабее и легче, в зависимости от того, для чего используются: для перевозки товара, просто для охоты или для езды путешественников. При изготовлении необходимо следовать определенным правилам, от которых зависит качество.

Бросается в глаза, что почти все нарты по всей Камчатке имеют одну и ту же ширину колеи, таким образом, можно легко найти путь по хорошей санной дороге, состоящей, так сказать, из двух борозд, в которые попадают полозья всех едущих друг за другом нарт.

Хорошая легкая нарта редко весит более 20–22 фунтов и, несмотря на это, такая крепкая, что может изо всей силы наехать на дерево и не разбиться. Грузовая нарта во всех отношениях изготовлена крепче, а, следовательно, и тяжелее.

Полозья в передней части нарты по ширине должны находиться на расстоянии где-то около половины дюйма друг от друга, чем задние, за счет чего нарта скользит по дороге намного легче. Само сиденье крепится на четырех ножках, из которых передние приблизительно на полдюйма выше, чем задние. Сиденье не должно быть слишком высоким, так как нарта может легко перевернуться. Несмотря на то, что большинство нарт предназначены только для одного человека, однако в крайнем случае на ней могут поместиться два человека, если они разместятся по обеим сторонам, один по правую сторону, другой – по левую, как на скамейке.

Каюр всегда сидит сбоку и, чтобы сохранить прямое положение нарты, в любое время должен быть готов спрыгнуть, пробежать рядом с ней и снова запрыгнуть на нее; вообще, в способе балансировки и сохранности нарт в любой момент в целости и равновесии заключается мастерство каюра.

Кроме обычных саней есть еще другой вид, предназначенный просто для перевозки грузов, который называется нартами (первоначальное значение слова). Они похожи на длинную скамью, стоящую на четырех ножках и снабженную с обеих сторон бордюрами; находящиеся внизу нее полозья имеют ту же самую ширину, что и остальные сани.

Самой необходимой оснасткой при езде на нарте является остол, коленчатая, согнутая в притупленный угол крепкая палка с железным наконечником на нижнем конце и изящно оплетенная ремнями и с бубенчиками или звенящими колокольчиками на верхнем конце. Остол применяется вместо поводка и кнута; если нужно заставить собак бежать, то им бряцают, если ехать медленно или остановиться, то остол с необходимой силой втыкают в снег или лед перед передними полозьями и таким образом сдерживают бег собак. Таким же образом им можно регулировать силу нарты; при крутом спуске с горы, поскольку нарта, особенно, если она еще и тяжело нагружена, бежит быстрее, чем собаки и наезжает на них, то нарта первой достигает подножия горы, а вся собачья упряжка волочится за ней. В этом случае каюр уже по дороге слезает с нарты и идет пешком следом, сдерживая нарту.

В дальнейшем остол необходимо рассматривать в качестве командной палки, так как если, например, человек находится в лесу на охоте, то путем постоянного крика «ках-ках» (направо) и «хуча-хуча» (налево) очень скоро распугивает всю дичь; поэтому хорошие ищейки должны внимательно следить за остолом; если каюр бьет им по снегу справа или совсем тихо стучит им по правым полозьям, то нужно ехать налево, и наоборот, если бьет им по левой стороне нарты, то направо...

Камчадал редко садится на нарту, не взяв с собой пару лыж, которые для него очень важны. На них он идет по лесным массивам и горам, покрытым глубоким снегом, чтобы по следу преследовать соболя, и на них же он прокладывает дорогу, по которой с большим усилием и трудностью пробираются собаки; при этом он идет впереди нарты и притаптывает снег, по которому затем собаки могут следовать намного легче. И, наконец, лыжи особенно

необходимы, чтобы сохранить санный путь в хорошем состоянии, так как когда слезаешь с нарты без них, то проваливаешься иногда по колено или по грудь и служишь причиной больших ям и дыр, которые очень затрудняют езду следующим нартам...

Очень щепетильно каюры наблюдают за погодой, выезжают при попутном ветре, много говорят о нынешних, будущих или бывших пургах или о кратковременных поездках, если ветер и погода позволяют. В пургу, бурю и при встречном ветре езда прекращается, и люди вынуждены искать убежище в ближайшем лесу или в хижине, как в гавани, или же возвратиться на последнюю станцию, с которой выезжали, и ждать там несколько дней хорошей погоды; и, наконец, если каюр находится на далеко простирающейся снежной поверхности, то он разыскивает путь по знакомым лесным вершинам, холму, горе или необычному лесному массиву, чтобы потом ориентироваться по ним так же, как моряк – по мысу или острову» (1, с. 235–255).

1. *Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. 1–2. Frankfurt-am-Main: F. Wilmanns, 1812. 303 p.; 335. Mit Kupfern und einem Musikblatt.*